

Т.С. СИДОРКИНА

«В ТЕНИ ВЕЛИКОГО ИМЕНИ»:
ПЕРВЫЕ ПИСЬМА ЮНИУСА И ЕГО «ЖЕРТВЫ»¹

Данная статья представляет собой комментарии к переводу двух писем Юниуса: от 21 ноября 1768 г. и от 21 января 1769 г. Первое письмо не вошло в каноническое издание «Писем Юниуса» под редакцией Генри Вудфолла 1772 г., в то время как письмо от 21 ноября 1768 г. раскрывает детали взаимоотношений Джона Уилкса с герцогом Графтоном и другими членами кабинета, которые, по мнению Юниуса, «обязаны Уилксу своим возвышением». Оба письма открывают борьбу Юниуса за соблюдение английской конституции и раскрывает особенности становления гражданской позиции интеллектуала в эпоху перемен.

Ключевые слова: *Великобритания, XVIII век, письма Юниуса, Джон Уилкс, администрация Графтона, конституция*

Вопросы гражданских прав и свобод, взаимодействия между первыми лицами государства и обществом как никогда актуальны в XXI в. Хотя сама идея баланса сил между государством и обществом закрепились в политической культуре Запада уже в эпоху Просвещения. Просветители переосмыслили картину мировосприятия людей традиционного общества: божественное право королей было поставлено под сомнение, новые гражданские добродетели теперь опирались на общечеловеческие ценности и идеалы, а во главу угла был поставлен человеческий разум. На основе этих идей шло формирование институтов гражданского общества. Показателем в этом отношении опыт Великобритании. Здесь на протяжении XVIII в. сложилась т.н. политическая журналистика, которая оказалась в состоянии законодательно защищать принципы свободы слова и печати. Катализаторами и проводниками этих изменений, несомненно, были интеллектуалы.

Показателем развития политической журналистики в Британии, начиная с «памфлетной войны» в правление королевы Анны, было нарастание ежедневной печатной продукции, газет, летучих листов и т.п. Приметой времени стали журналы Р. Стила и Д. Аддисона – «Tatler» и «Spectator». Но подлинное рождение политической публицистики происходит в 1760–1770-е гг. После выхода в апреле 1763 года 45-го номера «The North Briton» и незаконного ареста автора заглавной его статьи Дж. Уилкса начинается решающая схватка – «крестовый поход» власти против прессы и свободы слова. Как член палаты общин Уилкс был освобожден из-под стражи, но избежать наказания за «мятежную клевету» ему удалось только бегством во Францию. Однако в 1768 г., вернувшись, он планирует снова занять место в палате общин. 25 марта 1768 г. радикальный журналист выставляет свою кандидатуру в графстве Мид-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.»).

длсекс, где уверенно одерживает победу². При этом решение суда вступает в силу, Уилкс оказывается в тюрьме и отбывает наказание с мая 1768 по март 1770 г. 3 февраля 1769 г. правительство проводит через парламент решение об исключении Уилкса из палаты общин³. Именно в этот момент в борьбу вступает анонимный публицист Юниус. Определенно – Уилкс ему не симпатичен, однако действия властей, по его мнению, во сто крат опаснее «мятежной клеветы» Уилкса.

Позже – в 1772 г., по горячим следам «битвы» Юниуса с администрацией Графтона, Генри Вудфоллом – главным редактором ««Public Advertiser», где печатался аноним, будет издано собрание писем Юниуса в двух томах. Оно состоит из 69 писем. В издание вошли как письма самого Юниуса, так и его оппонентов. Таким образом Вудфолл сохранил живую ткань полемики оппонентов. Собрание получило название *Stat Nominis Umbra*, что с латинского языка можно перевести как «В тени [великого] имени». Для названия собрания писем Вудфолл использует крылатую фразу *Magni nominis umbra* («Тень великого имени»), которую обычно используют, говоря о потомках недостойных своих предков. Как можно предположить, в этой роли здесь предстают премьер-министр герцог Графтон и члены его администрации. Поведение первых лиц государства, их моральный облик – в ситуации противостояния правительства и «улицы» – становятся предметом пристального внимания Юниуса. Он использует риторический прием обращения к «публике», «рассматривая» «адресата-жертву». Юниус постоянно апеллирует к духу британцев и указывает на несправедливость и незаконность действий правительства по отношению к «народу этой страны», «законам и обычаям этого королевства». Он не призывает народ к бунту, скорее, стремится предостеречь правительство от подобного исхода событий.

«Stat Nominis Umbra» начинается письмом, датированным 21 января 1769 г. Тем не менее, это было не первое письмо Юниуса против кабинета Графтона. Проба пера Юниуса состоялась двумя месяцами ранее. Письмо от 21 ноября 1768 г., о котором идет речь, не вошло в сборник Вудфолла. Однако, если рассматривать хронологию событий – речь идет о непризнании парламентом результатов выборов в Миддлсексе и аресте Уилкса – то можно считать эту публикацию первым письмом Юниуса в борьбе с администрацией Графтона. Почему Вудволл опустил его в собрании «Stat Nominis Umbra»? Но не это нас будет интересовать больше всего – в письме от 21 ноября 1768 г. приоткрывается завеса над закулисной борьбой вигов с лордом Бьютом и королем в преддверии заключения Парижского мирного договора 1763 г.

В этом письме Юниус недвусмысленно дает понять о прежней общности интересов Джона Уилкса и герцога Графтона. Конечно, они

² Семенов 1997: 204–207; Кручинина, Сидоркина 2019: 34.

³ The Parliamentary... 1813: 545–546.

не были друзьями, но обоим были близки политические взгляды вигов. Уилкс был одно время дружен с видными вигами – лордом Тэмплом, лордом Девонширом, Джорджем Гренвилем и даже с Уильямом Питтом-старшим. Лорд Девоншир считал радикального журналиста «душой и сердцем оппозиции»⁴. Графтон несколько раз обедал в кругу друзей Уилкса⁵, но не более того. И все же в 1763 г. он был против заключения Уилкса в Тауэр и вступился за него, когда палата лордов обсуждала «Эссе о женщине»⁶. Однако он отказался вносить залог за радикального журналиста, чтобы не обидеть короля. Тогда, в борьбе с администрацией Бьюта, они были в одной лодке. В результате победы вигов молодой герцог был введен в Тайный совет (The Privy Council), а в 1766 г. получил назначение на должность первого лорда Казначейства в администрации Уильяма Питта-старшего⁷. Когда последний сформировал кабинет, преисполненный надежд Уилкс, писал письма Графтону с просьбой о возвращении. Но лорд Чатем, которому принадлежала реальная власть в министерстве, заявил, что не имеет никакого отношения к такой скандальной личности как Джон Уилкс. Он же посоветовал герцогу игнорировать письма радикального журналиста⁸.

Как известно, надежды на возвращение «всесильного Питта» не оправдались. Он оказался бессилён в стремлении консолидировать различные группировки вигов и не смог выработать программу преодоления финансовых трудностей текущего момента. В феврале 1767 г. Чатэм перенес приступ подагры, а в октябре 1768 г. – подал в отставку. Его место занял герцог Графтон, но его недолгое пребывание на посту премьер-министра не стало успешным. Графтон в основном был занят попытками сохранить разрушающуюся администрацию, унаследованную от лорда Чатема. В то же время он имел дело с неоднократными попытками Джона Уилкса занять свое место в парламенте⁹ и с нарастанием кризиса в североамериканских колониях. Однако главной и решающей проблемой для Графтона стали уничтожающие и разоблачающие письма Юниуса – отставка кабинета оказалась неизбежна в январе 1770 г.

Письмо, представленное ниже, было опубликовано в «The Public Advertiser» 21 ноября 1768 г.¹⁰ между судом над Уилксом и решением о его исключении из парламента 3 февраля 1769 г.

⁴ Cash 2006: 90.

⁵ Autobiography...1898, Cash 2006.

⁶ Стихи порнографического характера Дж Уилкса и Т. Поттера о лондонской куртизанке Фанни Мюррей, написанные как пародия на поэму Александра Поупа «Эссе о человеке» и не предназначенные для широкой публики, попали к личным врагам Уилкса и были использованы в ходе дебатов об его исключении из палаты общин.

⁷ См.: Autobiography... 1898: ix–x, xxv.

⁸ Cash 2006: 197.

⁹ См.: Autobiography... 1898: XXX.

¹⁰ The Letters... 1978: 455–456.

Сэр,

в ближайшее время высшим органом власти будет решаться вопрос: были ли справедливость наших законов и свобода нашей конституции нарушены; по сути, были ли они нарушены применительно к мистеру Уилксу. Его судьба, как общественного деятеля, будет решена. Безопасно и необходимо ли в настоящий момент прославлять добродетель его мотивов? Мы интересуемся этим вопросом не более, чем потому, что он является частью хорошо регулируемого законом общества. Если представитель этого общества пострадает, закон и конституция должны защитить его. Но где же закон, защищающий достоинство частного мнения или наказывающий за пренебрежение им? Куда ОН [Дж. Уилкс] может обратиться за возмещением ущерба, который разорвал или предал узы чести, дружеские отношения и партийный долг? Человек, перенесший такую травму, не получил ни компенсации, ни утешения, кроме той, что он нашел в негодовании и великодушном сочувствии человечества.

Надругательство над партийными убеждениями само по себе слишком распространено, чтобы вызывать удивление или возмущение. Политическая дружба настолько понятна, что мы едва ли можем сожалеть о том, как легко нас вводят в заблуждение. И если бы мистер Уилкс сбежал, он показал бы нам еще один пример того, как глупо полагаться на такое сотрудничество. Но у него, как я принимаю, исключительная ситуация. Это тот редкий случай, когда партийные заслуги были так велики и так дурно вознаграждены. Другие люди были бы брошены своими товарищами; только мистер Уилкс был унижен ими. Можно было подумать, что первый лорд казначейства и канцлер¹¹ удовлетворились бы забвением человека, которому они, главным образом, обязаны своим возвышением¹², но их не так-то легко удовлетворить. Они оставили его без поддержки, когда перестали нуждаться в его помощи и, чтобы скрыть упрек в неблагодарном бездействии, добивались его полного унижения. Границы человеческих знаний еще неизвестны, но это, несомненно, последний предел человеческой безнравственности. Печально известные факты говорят сами за себя, и в этом случае честному человеку не нужно никаких дополнительных мотивов для возбуждения своего негодования. Людям другого склада ума не мешало бы задуматься о том, насколько они в безопасности с министром, который без зазрения совести нарушает все партийные обязательства и, в то же время, достаточно слаб, чтобы бросить вызов обществу неповиновению. У министра есть характер, который поможет ему даже против его пороков, но где же доверие к товарищам, когда они не имеют никакого влияния ни на его сердце, ни на его разум? Направляемый лучшей частью человечества, его [министра] скоро будут считать худшей, ибо ни один человек не будет бесстрашно полагаться на того, кого он считает менее честным и менее мудрым, чем он сам.

В данном случае, герцог Графтон вполне может обнаружить, что он затеял глупую игру. Он поднялся благодаря популярности мистера Уилкса, и нет ничего невероятного в том, что он может и пасть из-за нее.

Юниус

¹¹ В ноябре 1768 г. герцог Графтон занимал должность Первого лорда Казначейства, должность канцлера принадлежала лорду Кемдену.

¹² В 1766 г. в кабинет Уильяма Питта-старшего вошел и герцог Графтон, и лорд Кемден. Юниус, очевидно, считает, что без отставки лорда Бьюта Графтон и Кемден не получили бы своих должностей. Кроме того, Чарльз Прагг, будучи главным судьей суда общегражданских исков (Chief Justice of the Common Pleas), освободил Уилкса из Тауэра, председательствовал над исками печатников и поднял вопрос о законности общих ордеров, чем завоевал себе необычайную популярность как один из «хранителей английской конституционной свободы». The London magazine... 1764: 108.

21 января 1769 г. анонимный публицист пишет новое, более резкое письмо. Письмо написано в преддверии очередной парламентской сессии, где должен был рассматриваться вопрос о лишении Уилкса парламентского мандата и дезавуировании результатов выборов в Миддлсексе. Открытие сессии было назначено на конец января 1769 г. – вероятно, публицист действовал на опережение.

В целом письмо содержит пять смысловых частей. Первая представляет собой обращение к идеям Просвещения. Юниус описывает как выглядит процветающее государство. Он использует теорию Локка об общественном договоре, по которому народ передает свои естественные права монарху для обеспечения «мира, безопасности и общественного блага»¹³. Однако люди могут выступить против короля, если ему не удастся сохранить мир¹⁴. На это и обращает внимание Юниус, восклицая, что жизнь может преподнести Британии «этот роковой урок». Он отдает дань уважения личности монарха. Король, по его мнению, благосклонен и мудр, а доброта его души безгранична. Юниус восхищается идеей создания беспартийного правительства, министры которого были бы лично ответственны перед королем, а не перед партией. Идея «меры, а не люди» заключалась в том, чтобы назначать на посты талантливых людей независимо от их партийной принадлежности. Но, в итоге, план провалился из-за болезни графа Чатема, и выдвижения на эту должность герцога Графтона, который не разделял его взглядов на правление¹⁵.

Во второй части начинается язвительная критика. Юниус нападает на Графтона за произвольную смену министров и развал беспартийного правительства, отсутствие решения вопроса о долгах государства, накопившихся после Семилетней войны, за долги короля по гражданскому листу. К 1769 г. гражданский лист был обременен 500 тыс. фунтов задолженности. Билеты королевской лотереи были напечатаны с целью наполнить казну – деньги тратились на восстановление портов, строительство архитектурных сооружений, мосты и другие общественные нужды¹⁶.

В третьей части Юниус обращается к проблеме налогообложения североамериканских колоний. Акт о гербовом сборе был введен Джорджем Гренвилем в ноябре 1764 г. и вызвал недовольство колонистов. Акт был отменен с подачи Питта-старшего в мае 1766 г.¹⁷ Однако в свете нарастающих финансовых проблем министерство Чатема было вынуждено принять Акт Тауншенда 1767 г., по которому для колонистов были увеличены пошлины на ввоз некоторых товаров из других стран (вино, масло, краски, стекло, фарфор и др.)¹⁸. Это, по мнению Юниуса, накалило ситуацию в колониях, как и действия графа Хиллсборо, за-

¹³ Локк 1988: 337.

¹⁴ Ibid: 385-386.

¹⁵ Lindsay 1986: 160–161.

¹⁶ Farebrother 1999: 28.

¹⁷ Романова 2008: 113–114.

¹⁸ См.: The Townshend Act...

нявшего должность государственного секретаря, только что созданного в свете усложнения ситуации в Северной Америке, министерства по делам колоний. Он выступал против любых уступок американским колонистам¹⁹. В феврале 1768 г. легислатурой Массачусетса было распространено циркулярное письмо о нарушении британским парламентом прав колонистов. Граф Хиллсборо в ответ разослал губернаторам колоний циркулярное письмо, где посоветовал им относиться к письму Массачусетса «с презрением, которого оно заслуживает», а также потребовал распустить любое собрание, которое утвердит этот документ²⁰.

В четвертой части письма Юниус по большей части нападает на виконта Уэймута, который был главой Южного департамента (и нес ответственность, в том числе, за порядок в Южной Англии, Уэльсе, Ирландии). Именно он отдал приказ о расправе над демонстрацией в поддержку Дж. Уилкса, получившей название «резни на полях Св. Георга» 10 мая 1768 г., во время которой было застрелено 7 человек²¹.

В пятой части письма Юниус обрушивается на одного из самых популярных членов кабинета Графтона генерал-лейтенанта Джона Маннерса, маркиза Гренби. В министерстве Чатема в 1766 г. он был назначен верховным главнокомандующим. Юниус, в первую очередь, упрекает лорда Гренби в том, что под давлением своих коллег он голосует за объявление выборов в Миддлсексе недействительными. И хотя, изначально главнокомандующий выступал против исключения Джона Уилкса из парламента²², позднее личная неприязнь Гренби к Уилксу пересилила принципы маркиза – он проголосовал за изгнание последнего 3 февраля 1769 г.

В последней части письма Юниус обращается к правосудию, а точнее персонально – к лорду главному судье графу Менсфилду (Lord Chief Justice), называя его продажным и бесчестным. В 1730 г. граф Менсфилд был членом Линкольнс-инн и быстро приобрел репутацию превосходного адвоката. Он начал заниматься политикой в 1742 г., став членом парламента и Генеральным прокурором (Solicitor General)²³. Впоследствии графа Менсфилда будут обвинять в том, что он покровительствовал произволу власти по судебному процессу о мятежной клевете, возникшему из-за публикаций Юниуса²⁴. Именно он будет рассматривать дела печатников, опубликовавших письма Юниуса после его атаки на короля в декабре 1769 г.

¹⁹ Personal... 1900: 184.

²⁰ Wood 2002: 33–34.

²¹ Cash 2006: 239–240.

²² Cash 2006: 264.

²³ Heward 1979: 30.

²⁴ Cash 2006: 161–162.

Письмо I. Издателю «The Public Advertiser» 21 января 1769 г.²⁵

Сэр,

подчинение свободных людей государственной власти правительства – не более чем соблюдение законов, которые они сами и приняли. Пока слава о национальном достоинстве государства прочно сохраняется за рубежом, а правосудие беспристрастно вершится внутри страны – подданный будет подчиняться добровольно, решительно, и я бы даже сказал, всецело. Великодушная нация будет благодарна всего лишь за соблюдение своих прав и охотно предоставит как свое почтение кабинету доброго короля, так и любовь к его персоне. Преданность англичанина головой и сердцем – это рациональное подчинение хранителю закона [королю]. Предубеждение и страстная увлеченность иногда уводили их [англичан] на преступную дорожку, и, чтобы не представляли себе иностранцы, мы знаем, что англичане настолько же сильно заблуждались в своей ошибочной благосклонности к отдельным лицам и семьям, насколько они во все времена защищали то, что считали более важным для себя.

Само собой, нас переполняет негодование, когда мы замечаем, что такой нрав оскорблен и унижен. Читая историю свободных народов, правами которого пренебрегли, мы не можем быть не заинтересованы в их проблемах. Наши собственные чувства говорят нам, как долго они должны были подчиняться, и в какой момент было бы предательством самого себя не сопротивляться. Насколько горячо будет наше негодование, если жизнь преподнесёт нам этот роковой урок!

Положение в этой стране является достаточно тревожным, чтобы привлечь внимание каждого человека, который заботится о социальном благосостоянии общества. Вероятность этого оправдывает подозрения, а когда речь идет о безопасности нации, подозрение – это справедливое основание для расследования. Давайте вступим в него с искренностью и порядочностью. Общественное положение министров заслуживает уважения, и если, в конце концов, необходимо будет принять какое-то решение, то ничто не может быть поддержано с такой твердостью, как то, что было принято с чувством меры.

Разорение или процветание государства чрезвычайно зависит от управления этим государством, и для того, чтобы узнать о том, является ли оно достойным, нам достаточно наблюдать за состоянием жизни народа. Если мы увидим, что они подчиняются законам, процветают в своей отрасли, сплочены внутри страны и уважаемы за рубежом, мы можем справедливо предположить, что их делами занимаются люди опытные, способные и добродетельные. Если, наоборот, мы увидим всеобщий дух недоверия и недовольства, стремительный упадок торговли, разногласия во всех частях империи и полную потерю уважения в глазах иностранных держав, мы можем без колебаний заявить, что правительство этой страны слабое, дезориентированное и коррумпированное. Народные массы во всех странах терпеливы только до определенной степени. Дурное обращение может возбудить их негодование и привести их к крайностям, но настоящая вина будет лежать на правительстве. Возможно, никогда еще не было таких внезапных и необычайных изменений в жизни и характере целой нации, как те, что за несколько лет произошли в Великобритании из-за неправомерного поведения министров. Когда наш милостивый Государь взшел на престол, мы были процветающим и умиротворенным народом. Если бы личные добродетели короля могли обеспечить счастье его подданных, то картина могла бы не измениться так сильно, как это произошло. Идея объединить все партии, испытать всех действующих лиц и распределить государственные посты поочередно, была до крайности благосклонна и доброжелательна, хотя она еще не произвела многих целительных эффектов, на которые была рассчитана²⁶. Кроме мудрости такого плана, он, несо-

²⁵ Junius 1771: 5–17.

²⁶ Создание беспартийного кабинета лордом Чатемом.

мненно, проистекал из безграничной доброты души, в которой безрассудство не принимало никакого участия. Это не было своенравным пристрастием к новым лицам; это не было стихийным поворотом к открытым интригам; и это не было предательским поведением двойных и тройных переговоров забавы ради. Нет, сэр, она [идея] возникла из-за постоянного беспокойства об общем благополучии в самом чистом из всевозможных сердец. К сожалению для нас, это событие не соответствовало замыслу. После быстрой череды изменений мы приходим к тому состоянию, которое вряд ли можно легко исправить. И все же нет такого чрезвычайного бедствия, которое само по себе должно было бы привести великую нацию к отчаянию. Это не болезнь, а лечение. Это не случайное стечение неблагоприятных обстоятельств, а губительное прикосновение власти, которое само по себе может заставить целый народ отчаяться.

Без особой политической прозорливости или какой-либо необычайной глубины наблюдения нам достаточно только отметить, как распределяются главные государственные департаменты, и не искать дальше истинной причины всякого зла, которое постигает нас.

Финансы нации, тонущие под ее долгами и расходами, доверяются неопытному дворянину, уже разорившемуся на играх²⁷. Действующий под руководством лорда Чатема и оставленный во главе дел после ухода этого аристократа, он стал министром случайно. Однако отказавшись от принципов и профессионализма, которые дали ему минутную популярность, мы видим, что он, несмотря на все благородные обязательства перед общественностью, намеренно отступает от проекта (беспартийного правительства – Т.С.). Что же касается дела, то мир еще ничего не знает о его талантах или решимости; разве что своенравная, нерешительная непоследовательность будет признаком гениальности, а капризность – проявлением духа. Можно, пожалуй, сказать, что сфера деятельности его Светлости и его страсть, – это скорее распределение, чем накопление государственных денег. Хотя лорд Норт является канцлером казначейства, первый лорд казначейства может быть столь легкомысленным и расточительным, как ему заблагорассудится. Однако я надеюсь, что он не будет слишком полагаться на плодovitость финансового гения Лорда Нортона: его Светлость еще не дал нам главного доказательства своих способностей. Можно с полной уверенностью предположить, что он до сих пор нарочно скрывал свои таланты, возможно, намереваясь удивить мир, когда мы меньше всего этого ожидаем, знанием торговли, умением регулировать средства и богатства ресурсов, необходимых для обеспечения потребностей и гораздо превосходящих надежды его страны. Теперь он должен приложить все усилия, если хочет, чтобы мы забыли, что с тех пор, как он вступил в должность, не было составлено никакого плана, не было соблюдено никакой системы и не было принято ни одной важной меры для уменьшения государственного долга. Если план его службы на текущий год не будет окончательно закреплен, позвольте мне предупредить его, чтобы он серьезно задумался о последствиях, прежде чем рискнет увеличить государственный долг. Как бы мы ни были возмущены и угнетены, эта нация после шестилетнего мира не потерпит, чтобы новые миллионы были взяты взаймы без потенциального уменьшения долга или снижения процентов. Эта попытка может пробудить чувство негодования, жертвой которого может стать далеко не только министр. Что же касается долгов по гражданскому листу, то народ Англии надеется, что он не будет оплачен без строгого расследования причин его [долга] возникновения. Если он должен быть оплачен парламентом, позвольте мне посоветовать канцлеру казначейства придумать что-нибудь получше [королевской] лотереи. Для того, чтобы поддержать дорогостоящую войну, или в условиях абсолютной необходимости, лотерея может быть допустима. Однако, в ос-

²⁷ Речь идет о герцоге Графтоне.

тальных случаях, это всегда самый худший способ собрать деньги с народа, я думаю, что это ниже королевского достоинства – королю иметь долги из сумм, предназначенных для ремонта деревянного моста или разрушенного госпитали. Контроль за делами короля в палате общин не может быть еще более дискредитирован, чем сейчас. Одного из ведущих министров неоднократно обвиняли в абсолютном невежестве, в нелепых действиях, которые были неловко заматы, саботаже подготовленных планов и напрасной недельной подготовке изящного ораторского выступления, что дает нам некоторые, хотя и неадекватные, представления о парламентских способностях и влиянии лорда Норта. Однако до того, как он имел несчастье стать канцлером казначейства, он не был ни объектом насмешек для своих врагов, ни объектом меланхоличной жалости своих друзей.

Ряд непоследовательных мер оттолкнул колонии от выполнения их подданических обязанностей и охладил сыновью любовь к их общей родине. Когда мистер Гренвилль был поставлен во главе казначейства, он почувствовал невозможность оказания Великобританией поддержки истеблишменту, которая сохранила бы неизменными ее прежние благосостояние, и в то же время дала хоть какие-то ощутимые поправки внешней торговле и облегчила вес государственного долга. Он считал справедливым, что те части империи, которые больше всего выиграли от расходов на войну, должны были внести свой вклад в расходы на мир, и он не сомневался в конституционном праве парламента увеличить этот вклад. Но, к несчастью для этой страны, Мистер Гренвилль был, в любом случае, в меньшинстве, потому что он был министром, а мистер Питт и лорд Кемден должны были стать покровителями Америки, потому что они были в оппозиции. Их поддержка воодушевляла и мотивировала колонии. И хотя, вероятно, они хотели только краха министра, фактически раскололи империю на две части.

При одной администрации издается акт о гербовом сборе, при другой он отменяется, при третьей, несмотря на весь опыт, изобретается новый способ взимания налогов с колоний и возрождается вопрос, который должен был быть предан забвению. В этой обстановке создается новая должность для ведения дел в колониях, и граф Хиллборо в самый критический момент призван управлять Америкой. Об этом выборе, по крайней мере, объявил нам человек с высшими способностями и знаниями. Так это или нет, пусть покажут его дипломатические депеши, по мере их появления и его действия, по мере их осуществления. В прошлом мы видели твердые заверения без доказательств, красноречивые выступления без аргументов и жестокие порицания без проявления благородства или снисхождения, но ни справедливости в соглашениях, ни правосудия в намерениях. Что же касается его действий, то следует помнить, что он был призван для примирения и единения, и что, когда он вступил в должность, наиболее непреклонные из колоний все еще были склонны действовать в рамках конституционных методов выражения протеста и написания петиций. С тех пор они были загнаны в крайности, мало чем отличающиеся от бунта²⁸. Петиции не доходили до престола, и откладывание слушания одного из основных законодательных собраний основывалось на незаконном условии²⁹, которому они не могли бы подчиниться, принимая во внимание те настроения, в которых они находились, и которые ничего не дали бы в основном вопросе, если бы он был исполнен. Столь жесткое и, как мне кажется, даже неконституционное проявление привилегий [циркуляр графа Хиллборо], не говоря уже о слабых, необдуманных выражениях, которыми они были выражены, дает нам столь же скромное мнение о способностях его светлости, как и о его характере, и сдержанности. Пока мы находимся в мире с другими нациями, наши военные силы, вероятно, смогут поддерживать меры графа Хиллборо в Америке.

²⁸ Речь идет о циркуляре Хиллборо, который только подкрепил симпатии к Массачусетсу и привел к последующему объединению колоний.

²⁹ «Чтобы они отменили одно из своих решений и вычеркнули запись о нем». Junius 1772: 10.

Когда же эта сила будет неизбежно отозвана или истощена, то отстранение такого министра не утешит нас его неосторожностью и не снимет напряжения с корней жителей, которые, жалуясь на акты законодательной власти, возмущены неоправданным расширением ее привилегий и, подкрепляя свои притязания аргументами, оскорблены разглагольствованиями.

Жеребьевка была бы более предусмотрительным и благоразумным методом назначения должностных лиц государства по сравнению с последующей расстановкой в аппарате министерства. Лорд Рочфорд был знаком с делами и нравами Южного департамента; Лорд Уэймут одинаково подходил и к тому, и к другому департаменту³⁰, но по какой необъяснимой прихоти случилось, что последний, прикидывающийся полностью неопытным, был переведен в самый важный из двух департаментов, а первый, по своему предпочтению, помещен в кабинет, где его опыт не может быть ему полезен? Лорд Уэймут отличился при первой службе своими предприимчивым, и даже рассудительным управлением. Он превысил свои должностные полномочия, выйдя за рамки гражданской власти, и направил армию на приведение приговора в исполнение не только военных судов³¹. Оправившись от ошибок своей юности, от отвлекающих его игр и от чарующего притяжения красного бургундского вина, он напрягает всю силу своих явных и незамутненных талантов на службу короне. Дело было не в угаре полуночных бесчинств, не в незнании законов и не в ожесточенном настроении Бедфордского дома. Нет, сэр, этот почтенный министр поставил свою власть между судом и народом и подписал приказ, от которого, насколько ему было известно, зависели жизни тысяч людей, он сделал это, и это было взвешенное решение его сердца, подкрепленное самыми сильными мотивами его чувства справедливости.

В последнее время вошло в моду делать комплименты храбрости и характеру главнокомандующего³² за его великодушие. Те, кто его не особо любит, не сомневаются в его мужестве, в то время как его друзья думают, главным образом, о легкости его характера. Призван его настолько храбрым, насколько это может сделать полное отсутствие к нему всякой симпатии или упрека, давайте посмотрим, какого рода добродетели он извлекает из остальной части своего характера. Если великодушие состоит в том, чтобы собирать для своей собственной персоны и семьи множество выгодных должностей, обеспечивать за общественный счет каждое существо, носящее имя Маннерс, и пренебрегая доблестью и заслугами остальной армии, осыпать повышениями своих фаворитов и иждивенцев, то нынешний главнокомандующий – самый щедрый человек на свете. Природа не пожалела своих даров этому благородному господину, но там, где соединяются род и богатство, мы ожидаем благородной гордости и независимости характера человека, а не рабской унизительной покладистости придворного. Что же касается добродетели его сердца, то если доказательством этого будет считаться благоприятные условия, при которых никогда не было необходимости отзываться войска, то какой же вывод мы должны сделать из любви к непотребствам, к которым никогда не прибегаем? И если дисциплина в армии хоть в какой-то степени сохранится, то какая благодарность может быть дана человеку, чьи заботы, как известно, ограничивающиеся заполнением вакансий, низвели должность главнокомандующего до торговца офицерскими чинами?³³

³⁰ Поговаривали, что граф Рочфорд, будучи послом во Франции, поссорился с герцогом Шуазелем и поэтому был назначен в Северный Департамент из уважения к французскому министру. Junius 1772: 11–12.

³¹ «Резня на полях Св. Георга» 10 мая 1768 г.

³² «Речь идет о покойном лорде Гренби». Junius 1772: 13.

³³ Юниус нарочно преуменьшает заслуги Гренби, говоря о том, что он никогда не отступал в бою, так как у него всегда была сильная поддержка. Юниус сравнивает

Что касается военно-морского флота, то я скажу только, что наша страна в таком большом долгу перед сэром Эдвардом Хоуком, что мы не пожалеем никаких средств, чтобы обеспечить ему почетную и богатую пенсию.

Понятное и беспристрастное осуществление правосудия является, пожалуй, самой прочной скрепой обеспечения активного подчинения народа и увеличения его симпатии к правительству. Недостаточно того, что вопросы частного права или нарушения законных прав решаются справедливо, равно как и того, что судьи стоят выше мерзости взяточничества. Сам Джеффрис, хотя и не проявляя к суду никакого интереса, был честным судьей³⁴. Суд может быть подвержен иному влиянию, более существенному и пагубному, поскольку оно выходит за пределы интересов отдельных лиц и затрагивает все общество. Судья, находящийся под влиянием правительства, может быть достаточно честным в решении личных дел, но все же оставаться предателем общества.

Когда жертва будет отмечена министерством, этот судья предложит себя для принесения жертвоприношения. Он не постесняется продать³⁵ свое достоинство и предать святость своей должности всякий раз, когда речь идет о произволе правительства или об удовлетворении претензий суда.

Эти принципы и процедуры, какими бы отвратительными и презренными они ни были, на самом деле не менее опрометчивы. Мудрый и великодушный народ пробуждается от всякой видимости репрессивных неконституционных мер, будь то меры, поддерживаемые только властью правительства, или же замаскированные под формы справедливого суда. Благоразумие и инстинкт самосохранения заставят даже самые сдержанные натуры объединиться с человеком, поведение которого они осуждают, если они увидят, что его преследуют способом, который не будет оправдан реальной буквой закона. Факты, на которых основаны эти замечания, слишком печально известны, чтобы нуждаться в их представлении.

Это, Сэр, и есть та самая деталь. С одной стороны, мы видим нацию, обремененную долгами, ее доходы растрачиваются впустую, ее торговля приходит в упадок, преданность ее колоний уменьшается, обязанности судей переходят к солдатам, доблестная армия, которая сражалась неохотно, но против своих соотечественников, разлагается из-за отсутствия руководства со стороны человека с недожинными талантами и боевым духом, и, наконец, осуществление правосудия становится ненавистным и подозрительным для всего народа. Эта прискорбная картина допускает лишь одно дополнение, что мы руководствуемся советами, от которых разумный человек не может ожидать никакого лекарства, кроме яда, никакого утешения, кроме смерти.

Если, благодаря непосредственному вмешательству провидения, нам удастся избежать кризиса, столь полного ужаса и отчаяния, то потомки не поверят истории настоящего времени. Они либо придут к выводу, что наши беды были вымышленными, либо что нам посчастливилось быть управляемыми людьми признанной честности и мудрости; они не поверят, что их предки могли выжить или оправиться от столь отчаянного положения, в то время как герцог Графтон был премьер-министром, лорд Норт – канцлером казначейства; Уэймут и Хиллсборо – государственными секретарями; главнокомандующим – Гренби и главным судьей по уголовным делам королевства – Менсфилд.

Юниус

это с любовью к наготе, утверждая, что ее невозможно доказать, потому что мы никогда не ходим голыми на людях. Так же и заслуги Гренби невозможно доказать лишь его победами.

³⁴ Джордж Джеффрис, лорд-канцлер, который в 1685 г. проводил суд после восстания Монмута, неудачной попытки свергнуть Якова II Стюарта. В результате серии судебных процессов 320 людей было казнено, более 500 сослали на плантации Вест-Индии в качестве рабов.

³⁵ Юниус использует слово «to prostitute».

Это письмо и последовавший выпад власти – ответ сэра Уильяма Дрейпера, который принялся защищать героя Семилетней войны, превратила главнокомандующего Грэнби из адресата Юниуса в его реальную «жертву». Переписка, вероятно, послужила одной из причин ухудшения здоровья лорда Грэнби и привела к его скорой кончине в 1770 г. Дрейпер оказал медвежью услугу и лорду Грэнби, и герцогу Графтону. Скорее всего, именно реакция власти, которую выражал Дрейпер, сделала Юниуса популярным. Авторитет администрации Графтона, в конце концов, будет полностью уничтожен в глазах общественности в течение следующих полутора лет и более чем тридцатью письмами.

Таким образом, письма от ноября 1768 г. и января 1769 г. – оба претендовали быть первыми письмами в сборнике Вудфолла. Письмо от 21 ноября 1768 г. можно назвать более «мягким», чем письмо от 21 января 1769 г. В нем Юниус более аккуратно подбирает слова и, если и ссылается на политиков, то делает это крайне осторожно. В следующих письмах он будет более прямолинейным и резким. В ноябрьском письме он выражается более абстрактно, не высмеивая ошибки своих адресатов. Письмо же от 21 января 1769 г. длиннее и содержательнее. В отличие от ноябрьского письма, здесь Юниус прибегает к резкой критике, не стесняется давать характеристики известным политическим деятелям, указывая на их личные пороки и политические ошибки.

Юниус, используя имя древнеримского плебейского рода, становится голосом гражданского общества, выдвигающим на передний план новые ценности и идеалы – свобода слова, независимость прессы, право на справедливый суд, презумпцию невиновности, верховенство закона. А Генри Вудфолл добавляет значимости его фигуре, публикуя собрание писем Юниуса под названием «Stat nominis umbra». Название «В тени великого имени» заставляет задуматься. Каких великих предков не достоин герцог Графтон и его соратники? Римских политиков, в чье имя «драпируется» Ф. Фрэнсис? Графа Чатема, который пытался навести порядок в министерстве? Или Георга II, при котором народ Англии «был процветающим и умиротворенным»? Ответ на этот вопрос знал разве что сам издатель «The Public Advertiser». Неоднозначное название, анонимность автора (он так и не раскрыл своего настоящего имени), борьба за вечные идеалы делают фигуру Юниуса значительной как для общества XVIII века, так и для потомков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. [Lokk J. Sochineniya: v 3 t. / Red. i sost., avt. primech. A. L. Subbotin. M.: Mysl', 1988. 668 s.].
- Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. М., 1997. № 5. Сентябрь–октябрь. С.196–212. [Semenov S.B. Paradox Jona Uilksa // Novaya i noveyshaya istoriya. M., 1997. № 5. Sentyabr'–oktyabr'. S. 196–212].
- Сидоркина Т.С., Кручинина Н.А. Борьба Юниуса за соблюдение избирательных прав: «Письмо XI, его светлости герцогу Графтону» // Imagines mundi : альманах исследова-

ний всеобщей истории XVI–XX вв. No 10. Сер. Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 32–40 [Sidorkina T.S., Kruchinina N.A. Bor'ba Juniusa za sobludenie izbiratel'nykh prav: «Pis'mo XI, ego svetlosti gercogu Graftonu» // Imagines mundi : al'manah issledovaniy vseobshej istorii XVI–XX vv. № 10. Ser. Al'biionika. Vyp. 5. Ekaterinburg, 2019. P. 32–40].

Романова М.И. Война за независимость североамериканских колоний и британский парламент. 1765–1775 // Новая и новейшая история. М., 2008. № 1. С. 110–129. [Romanova M.I. Vojna za nezavisimost' severoamerikanskih kolonij i britanskij parlament 1765–1775 // Novaya i noveyshaya istoriya. M., 2008. № 1. S. 110–129.]

Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton / ed. by Sir William R. Anson, Bart., D.C.L. London: John Murray, Albemarle Street, 1898. P. 417.

Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1979. 496 p.

Cash A. H. John Wilkes. The Scandalous Father of Civil Liberty. L.: New Haven, 2006. 482 p.

Farebrother R. W. A Brief History of the British National Lottery 1567–1826. Chance. Vol. 12. № 1, 1999. P. 27–31. URL: <https://doi.org/10.1080/09332480.1999.10542138>

Junius. Stat nominis umbra. Vol 1. London: Printed for Henry Sampson Woodfall, 1772. 208 p.

Heward E. Lord Mansfield: A Biography of William Murray 1st Earl of Mansfield 1705–1793 Lord Chief Justice for 32 years. Chichester: Barry Rose (publishers), 1979. 198 p.

Lindsay D.W. Junius and the Grafton administration 1768–1770 // Prose Studies. History, Theory, Criticism. Vol. 9. 1986. P. 160–176.

The Letters of Junius / ed. by J. Cannon. Oxford: At the Clarendon Press, 1978. 643 p.

The London magazine, or, Gentleman's monthly intelligencer. Vol. XXXIII. London: Printed for the Proprietors, 1764. January. 774 p.

The Parliamentary History / ed. T.S. Hansard. Vol. XVI. L.: H.M. Stationery Office, 1813. 1402 p.

Whiteley P. Lord North: The Prime Minister who lost America. London and Rio Grande: The Hambledon Press, 1996. 274 p.

Wood G. S. The American Revolution: A History. New York: Modern Library, 2002. 197 p.

The Townshend Act, November 20, 1767 // Great Britain The statutes at large ... [from 1225 to 1867] by Danby Pickering Cambridge: Printed by Benthem, for C. Bathhurst, 1762–1869. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/townsend_act_1767.asp

Сидоркина Татьяна Сергеевна, младший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; sidorkinats@gmail.com

«In the Shadow of a Great Name»: The First Letters of Junius and his «Victims»

This article is a commentary on the translation of two of Junius' letters: 21 November 1768 and 21 January 1769. The first letter did not appear in the canonical edition of the Junius Letters edited by Henry Woodfall in 1772, while the letter of 21 November 1768 reveals the details of John Wilkes' relationship with the Duke of Grafton and other members of the cabinet, who, "owed Wilkes their elevation". Both letters open the beginning of the Junius's struggle for the observance of the English constitution and reveal the peculiarities of the formation his intellectual civic positions in an era of change.

Keywords: Great Britain, 18th century, Junius' letters, Grafton administration, J. Wilkes, constitution

Tatyana Sidorkina, Junior Research Fellow, Laboratory of Edition Archaeography, Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia; sidorkinats@gmail.com